

ТРАНСГРЕССИЯ КАЛМЫКОВ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В НИЖНЕВОЛЖСКОМ ФРОНТИРЕ

Черник М.В.

Черник Мария Владимировна,
Астраханский государственный университет,
414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: chernik-max@mail.ru

Статья посвящена проблеме трансгрессии калмыков Астраханской губернии на территории Нижневолжского фронта. Трансгрессия на территории фронта рассматривается автором как способ адаптации к новым условиям существования.

Кочуя в нижневолжских степях, калмыки были вовлечены в достаточно сложный и хронологически продолжительный процесс формирования поликультурной среды Астраханской губернии. Заселение края происходит под надзором российского правительства, стремившегося закрепить данные территории. Окраинное положение губернии, накладывает определенный отпечаток на состав населения: это и раскольники, и казачье население, и выдворявшиеся сюда жители центральных губерний Российской империи, и киргиз-кайсаки (казахи) Букеевской орды, а также другие многочисленные этносы. В процессе совместного проживания в одном пространстве и постоянных контактах, модель мира калмыка начинает постепенно меняться. Меняется его образ жизни, меняются традиционные способы хозяйствования, меняется язык. Все это заставляет выходить калмыцкое население за привычные границы бытия. Кочевой патриархальный родовой быт калмыцкого народа постепенно разрушается, в результате взаимодействия с русским, татарским, туркменским населением, калмыки адаптируются к новым культурным моделям, многие из которых успешно начинают практиковать в повседневной жизни.

Автор, опираясь на архивный и этнографический материал, приводит примеры проявления различных видов трансгрессии в среде калмыцкого населения, явившиеся следствием тесного межкультурного взаимодействия оседлого и кочевого населения Астраханской губернии.

Ключевые слова: Астраханская губерния, кочевые народы, калмыки, межкультурное взаимодействие, нижневолжский фронт, трансгрессия, судопроизводство.

Нижнее Поволжье исторически являлось местом пристанища кочевых народов, различных племен, сменявших друг друга на протяжении столетий. Астраханский край стал воротами, сквозь которые племена Азии проникали в Европу. Одним из таких племен стал калмыцкий народ в начале XVII века появившийся в астраханских степях.

После откочевки в конце 1771 года значительной части калмыков в Джунгарию, на приволжских степях нагорной стороны р. Волги осталось около 13 000 калмыцких семей. Калмыцкое ханство было упразднено, а государственность калмыцкого народа была фактически ликвидирована (Максимов, 2002, стр. 152). Калмыцкая степь вошла в состав Астраханской губернии. Правительством был взят курс на «усиление между калмыками склонности к оседлой жизни».

В конце XVIII века на территорию Астраханской губернии начинает «усиливаться выдворение оседлых переселенцев». В заволжских степях, оставленных калмыками, разрешено было селиться раскольникам, а позднее сюда стали переселять казенных крестьян из Воронежской, Рязанской и других российских губерний. Выдворявшиеся переселенцы занимали и заселяли каспийское побережье, берега и рукава р. Волги, острова, лежащие в ее устье, а в первой половине XIX века ими была частично занята пограничная окраина со стороны Донского войска (Костенков, 1868, стр. 105). Середина этих площадей была оставлена в пользу кочевых народов, самым многочисленным из которых были калмыки.

В летние месяцы они кочевали на своих степных пастбищах, а в зимнее – «вкочевывали своими стадами в лесные займищные дачи», принадлежащие русским селениям и казачьим станицам. Именно в это время года калмыки контактировали с оседлым населением, покупая и обменивая у них хлеб и другие припасы на деньги, и свой скот. (Костенков, 1868, стр. 45). Взаимоотношения достаточно часто носили многосторонний характер (русские, калмыки, киргиз-кайсаки (казахи), туркмены, татары), именно благодаря этому на данной территории постепенно создается своеобразная поликультурная среда, зона межкультурного взаимодействия. Современные отечественные ученые берут за основу определение фронта как «контактной зоной различных этнических, религиозных, этносоциальных групп, взаимодействие которых складывало в различные исторические периоды в свою неповторимую мозаику». Исходя из этой терминологии, мы однозначно можем назвать саму территорию Нижнего Поволжья фронтиром (Материалы круглого стола, 2014, стр.308)

Современные исследователи С. Н. Якушенков и О.С. Якушенкова (2014) в статье «Трансгрессия в условиях гетеротопных пространств фронта» обратили внимание на то, что попадающие во фронтальное пространство участники сами трансформируются, преступая привычные им социальные нормы и рамки (стр. 278)

Огромные пространства степей (81 057 кв. верст, при плотности населения 1, 49 чел. на кв. версту) позволяли достаточно долго сохранять им свой кочевой и патриархальный родовой быт,

свойственный монголам, с которыми они имели одно общее происхождение (РГИА. Ф. 1405. Оп. 63. Д. 7541. Л. 1. об.).

Основанием общественного устройства калмыков служил хотон – группа близкородственных семей, нераздельно кочующих на данной местности. В состав хотона должно было входить не менее 15 кибиток-семейств (Команджаев, 2008, С. 153). Хотоны, родственные между собой составляют аймаки (роды), которые в свою очередь так же находясь в родственных отношениях (иногда в очень дальней степени) между собой составляли улус. Калмыцкие кочевья (Калмыцкая степь) во второй половине XIX в. в административном отношении были разделены на семь улусов: Малодербетовский, Хошоутовский, Харахусо-Эрдениевский, Богацохуровский, Эркетеневский и Яндыковский и Икицохуровский (Максимов, 2002, стр. 197).

Улусы делились на владельческие и казенные. Первыми управляли нойоны – улусовладельцы, вторыми – правители, назначенные администрацией из зайсангов или нойонов, не имевших собственных улусов

По сословиям, калмыцкий народ разделялся на нойонов или владельцев, зайсангов, духовенство и простолюдинов. Нойоны или носили название «цаган-ясан» (белая кость), им были присвоены, по русским законам, права дворян. Зайсанги, называемые также «цаган-ясан», подчинены владельцам улусов и сами пользовались некоторыми правами владения над своими аймаками, которые, как и улусы, переходили безраздельно, по праву наследства к старшему в роде, и вследствие этого другие родственники аймачного зайсанга, хотя и считались тоже зайсангами, но безаймачными. Их статус мог быть приравнен к потомственным почетным гражданам и личным почетным гражданам соответственно. Простолюдины, называемые «хара-кюн» (черный человек) или «хара-ясан» (черная кость), вплоть до конца XIX века почти не имели ни каких личных прав и составляли податное сословие (Костенков, 1868, стр. 107).

Несмотря на то, что к середине XIX века Калмыцкая степь полностью утрачивает элементы административной автономии, калмыки, находясь наравне с прочими подданными под покровительством общих законов Российской империи, пользовались сверх этого особыми правами и управлялись на особом основании.

В процессе совместного проживания в одном пространстве и постоянных контактах, калмыцкое население начинает постепенно адаптироваться к культурным моделям оседлого и кочевого населения губернии. Это заставляет выходить калмыцкое население за привычные границы бытия, т.е. трансгрессировать. С.Н. Якушенков и О.С. Якушенкова, проведя анализ фуконианской трансгрессии в условиях фронтальной гетеротопии, классифицируют различные виды

трансгрессии (сексуальная, юридическая, алиментарная, вестиментарная, ксеноморфная, лингвистическая или лексическая, хозяйственная, эдификативная), которые можно встретить на фронтирном пространстве (Якушенков, Якушенкова, 2014, стр. 280).

Материалы работы центральных и местных правительственных комиссии второй половины XIX века по подготовке проектов реализации Александровских реформ для калмыцкого населения, в частности судебной реформы 1864 г. содержат достаточно большое количество ярких примеров культурного взаимодействия калмыков с оседлым населением. Обратимся к ряду из них.

Члены исследовательских экспедиций и комиссий, собиравшие статистические сведения о калмыцком народе, отмечали разницу наречий языка местного населения (РГИА. Ф. 1405. Оп. 63. Д. 7541. Л. 54.). Калмыцкий язык постепенно менялся, трансформируясь в результате проникновения в него новых, заимствованных слов. Так в середине XIX века разные улусы разнились между собой как некоторыми грамматическими формами строения калмыцкой фразы, так и изменениями некоторых слов и словосочетаний. Например, дербеты овес называли «арба», а торгуты – «сули» (Костенков, 1868, стр. 113). Еще одним отличием являлось количество русских и татарских слов, употребляемых калмыцким населением.

Данный пример достаточно ярко свидетельствует о лингвистической или лексической трансгрессии, при которой субъект начинает в своей речи использовать лексику, не свойственную его языку. Русское и татарское население так же перенимает и начинает использовать в своем быту общении как отдельные слова, так и отдельные словосочетания, как правило это делалось с целью завоевать расположение и доверие калмыков, например при заключении торговой сделки: «давсн» – соль, «шалга» – коса для сенокосения (ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 505. Л. 36.).

Как свидетельствуют участники Кумо-Манычской экспедиции 1860-1861 гг., организованной русским правительством с целью сбора и систематизации знаний о калмыцком населении калмыки, как потомки монголов, сохранили «язык и письмена» монгольские, изменилось только наречие, что следует рассматривать как следствие смешения с другими племенами и народами. Находясь в частных сношениях с русскими, многие калмыки понимали русский язык и даже говорили довольно хорошо по-русски. Но примечательно то, что при встрече с должностными лицами из русских, а особенно при допросах в суде, они избегали говорить по-русски, ссылаясь на непонимание: «меткишъ, толмач уга» – не понимаю без переводчика. Эту фразу они употребляли и в случае, когда хотели избежать расспросов незнакомца, чужака. Однако, убедившись, что этот человек не представляет ни какой

опасности, с точки зрения ущемления имущественных или других интересов, калмык сам объяснял все отлично по-русски (ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 505. Л. 35 об.).

Данный факт является достаточно ярки примером изменения культурной модели поведения калмыцкого населения. Научившись говорить по-русски, калмыки используют это знание в своих интересах. С одной стороны это облегчает их коммуникацию русским оседлым населением уездов в решении необходимых им вопросов, с другой это позволяет либо избегать ответственности, либо отсрочивать срок ее наступления, используя это время для урегулирования конфликта или сокрытия доказательств.

Основными видом преступлений в калмыцком обществе являлись мелкие кражи и кражи скота. При этом кража и гон скота в правосознании калмыка имели разное значение: «кража скота» – это уголовное наказуемое деяние, а «угон скота» – нет, это скорее удадь, геройство. Мы не будем подробно останавливаться на данном аспекте, так как он рассмотрен нами в другой публикации (Черник, 2016, стр. 38).

Как отмечает Костенков К.И. в своем труде «Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии» (1868) Верные своим обычаям, калмыки, не смотря на строгие меры и преследование правительства, не могли удержаться от вкоренившейся страсти к отгонам и грабежам скота, для пополнения убыли своих стад. Например, после больших потерь скота в суровые зимы 1830, 1831 и 1832 годов развилось страшное воровство, что вынудило астраханского военного губернатора В.Г. Пяткина командировать в 1834 году в улусы состоявшего при нем для особых поручений ротмистра Иванова с командой 100 казаков для прекращения грабежей (Костенков, 1868, стр. 113). Зимой 1859-1860 гг. для восполнения своих потерь калмыки Эркетеневского улуса, кочуя близ границы Ставропольской губернии, ограбили туркмен и татар, угнав у них огромные стада баранов. После чего для сокрытия своего преступления они поспешили отправиться на летние пастбища, но морозы и метели заставили их вернуться. Обвиненным в краже бандитам удавалась долго скрываться от улусной полиции.

Несмотря на то, что Зарго имели право решать судебные дела по обычаям (большинство из которых было утрачено), по преимуществу они пользовались нормами российского законодательства, более знакомого населению, чем правила Судебника – Цааджин-Бичин, изданного в 1640 г. съездом калмыцких тайши в Сибири. При разборе дел об имущественных спорах и обидах улусные Зарго должны были стремиться к их завершению мирным способом. Если стороны не шли на примирение, имущественные тяжбы между калмыками разбирали и

решали по древнему калмыцкому праву, а дела о проступках и спорах с посторонними лицами – по правилам для судебных мест первой инстанции (по российским законам). Как было выше сказано, калмыки при допросах в суде всегда ссылались на незнание русского языка, а ведь именно русский язык был введен в качестве официального и обязательного языка делопроизводства. Не достаточная укомплектованность штатного состава астраханских судов, в юрисдикцию которых постепенно переходит рассмотрение части уголовных и гражданских дел, и так же улусных управлений переводчиками калмыцкого языка и толмачами, вызванная недостатком финансовых средств (эти деньги выделялись из сумм налогов, которые собирались с калмыцкого населения), позволяла калмыкам затягивать дела, использовать подлог и фальсификацию доказательств. Дела рассматривались годами, и только 1/20 часть преступлений подвергалась наказаниям (РГИА. Ф. 1405. Оп. 63. Д. 7541. Л. 51). В ходе следствия и слушания дел калмыки понимали все, что происходит, но при этом могли использовать свое знание для ссылки на отсутствие понимания вопросов судей и требовали переводчика или толмача, а его отсутствие служило поводом для переноса слушания.

Отчасти данный пример можно отнести юридической трансгрессии, калмыками использовалась правовая модель русской культуры в решении судебных дел. В частности, калмык мог сослаться на незнание русского языка и попросить переводчика, зная о том, что он имеет на это право в случае незнания официального языка судопроизводства. Происходит переход от одной культурной модели, основанной на обычном праве, к модели культуры, которая оперирует понятиями юридического права (Якушенков, Якушенкова, 2014, стр. 281).

Еще об одном виде трансгрессии, который встречался в Калмыцкой степи, в частности о эдификативной трансгрессии - подражание или использование строительных моделей Чужого для своих нужд, свидетельствуют материалы судебных дел, а так же материалы трудов Главного попечителя калмыцкого народа полковника Костенкова К.И.

Например, довольно часто встречается упоминание конфликтов между местным населением в северной части калмыцких степей и оседлым населением Черноярского уезда. За допущение калмыков на зиму в свои займищные дачи, крестьяне, согласно Высочайшему повелению 1806 г., имели право пользоваться во время разлива р. Волги, калмыцкой степью на расстоянии 10-15 верст от берега. Как правило, крестьяне злоупотребляли этим правом: заходили далеко в степь, распахивали ее, пасли здесь скот и строили хутора. Калмыки в ответ на это крали их скот и отбирали хутора. Все это порождало

постоянные столкновения, жалобы и судебные разбирательства. Однако это своеволие крестьян было полезно для калмыков, так как они по примеру русских стали устраивать землянки, поддерживать и строить колодца (Костенков, 1868, стр. 94).

Трансгрессия на территории фронта мы можем рассматривать как способ адаптации к новым условиям существования. Прикочевав в волжские степи калмыцкий народ, волился в достаточно сложный и хронологически продолжительный процесс формирования поликультурной среды Астраханской губернии. Заселение данной территории происходит постепенно, пусть даже и под надзором русских властей, сюда приходят новые этносы, которые сталкиваются с совершенно чуждым для них культурным ландшафтом, который еще находится в стадии формирования. Трансгрессируют здесь не только калмыки, но и русские, татары, туркмены, киргиз-кайсаки (казахи) Букеевской орды (Ермуханова, 2016, стр.2). Результатом межкультурного взаимодействия калмыков с оседлым и кочевым населением Астраханской губернии стало изменение их кочевого и патриархального родового быта, они адаптируются к новым культурным моделям, многие из которых успешно начинают практиковать в своем быту.

Список литературы

ГААО (*Государственный архив Астраханской области*) Ф. 1. Оп. 11. Д. 505. Л. 36.

ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 505. Л. 35 об.

Ермуханова, Н.А. (2016). Трансгрессия казахов Букеевской орды на территории Нижневолжского фронта. *Научный журнал КубГАУ*, № 124, стр.1-13.

Команджаев, А.Н. (2010). Законодательство калмыцкого кочевого общества XVIII-XIX вв. в системе российского права. *Вестник Прикаспия: археология, история, этнология*, №.2, стр. 166-171.

Костенков, К.И.,(1868). *Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии*. СПб.: Типография В. Безобразова и Комп.162 с.

Максимов, К.Н., (2002) *Калмыкия в национальной политики, системе власти и управления России (XVII в. – XX в.)*. М.: Наука. 524 с.

Мацакова, Н.П. (2008). Проекты Главного попечителя калмыцкого народа К.И. Костенкова о преобразовании общественного строя калмыков. *Вестник Прикаспия: археология, история, этнология*, № 1, стр. 158-165.

РГИА (*Российский государственный исторический архив.*) Ф. 1405. Оп. 63. Д. 7541. Л. 1об., 51,54.

Фронтир как эвристическая модель историко–культурного познания. Материалы круглого стола. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2014. №4, стр.304-314.

Черник, М.В. (2016) Интеграция калмыков в правовую систему Российской империи в конце XVII- первой половине XIX вв. *Журнал Фронтирных Исследований*, № 4, стр. 33-43.

Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. (2014) Трансгрессия в условиях гетеротопных пространств фронта. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, №3, стр. 276-284.

TRANSGRESSION OF KALMYKS OF THE ASTRAKHAN PROVINCE IN THE LOWER VOLGA FRONTIER

Chernik M.V.

Chernik Maria Vladimirovna, Astrakhan State University,
414056, Astrakhan, Russia, Tatishcheva, 20a . E – mail: chernik-max@mail.ru

Article is devoted to a problem of transgression of kalmyks of the Astrakhan province in the territory of the Lower Volga frontier. Transgression in the territory of the frontier is considered by the author as a way of adaptation to new living conditions.

Wandering in the Lower Volga steppes, kalmyks were involved in rather difficult and chronologically long process of formation of the polycultural environment of the Astrakhan province. Settling of edge happens under the supervision of the Russian government seeking to fix these territories. Suburban position of the province, leaves a certain mark on the structure of the population: it both dissenters, and the Cossack population, and inhabitants who were turned out here central provinces of the Russian Empire, and the kyrgyz-kaysaki (kazakhs) of the Bukeevsky horde, and also other numerous ethnoses. In the course of cohabitation in one space and continuous contacts, the model of the world of the Kalmyk begins to change gradually. Its conduct of life changes, traditional ways of managing change, language changes. All this forces to overstep the Kalmyk population the habitual bounds of life. Nomadic patriarchal patrimonial life of the Kalmyk people gradually collapses, as a result of interaction with the Russian, Tatar, Turkmen population, kalmyks adapt to new cultural models, many of which successfully begin to practice in everyday life.

The author, leaning on archival and ethnographic material, gives the examples of manifestation of different types of transgression in the environment of the Kalmyk population which were a consequence of close cross-cultural interaction of the settled and nomadic population of the Astrakhan province.

Keywords: Astrakhan province, nomadic people, kalmyks, cross-cultural interaction, Lower Volga frontier, transgression, legal proceedings.

References:

GAAO (State Archives of the Astrakhan region). F. 1. Оп. 11. 505. L. 36.

GAAO. T. 1. Оп. 11. 505. L. 35.

Ermukhanova, N.A. (2016). The transgression of Kazakhs of Bukey horde on the territory of Lower Volga frontier. Scientific magazine of KUBGAU, №. 124, p. 1-13.

Komandzhayev, A.N. (2010). The legislation of the Kalmyk nomadic society of the 18-19th centuries in the system of Russian law. Messenger Prikaspiya: archeology, history, ethnology, №.2, p. 166-171.

Kostenkov, K.I., (1868). Statistical and economic description of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province. SPb.: V. Bezobrazov's printing house and Computer. 162 p.

Maximov, K.N., (2002) Kalmykia in national policy, the system of the power and management of Russia (17th century – 20th century). M.: Science. 524 p.

Matsakova, N.P. (2008). Projects of the Main trustee of the Kalmyk people K.I. Kostenkov about transformation of a social order of Kalmyks. Messenger Prikaspiya: archeology, history, ethnology, No. 1, p. 158-165.

RGIA (Russian Public historical Records Office.) T. 1405. Оп. 63. 7541. L. 1 ob., 51,54.

Frontier as heuristic model of historical and cultural knowledge. Materials of a round table. Caspian region: policy, economy, culture. 2014. №. 4, p. 304-314.

Bilberries, M.V. (2016) Integration of Kalmyks into the legal system of the Russian Empire at the end of XVII-to the first half of the 19th centuries. Journal of Frontier Studies, №. 4, p. 33-43.

Yakushenkov S.N., Yakushenkova O.C. (2014) Transgression in conditions the heterotopykh of spaces of the frontier. Caspian region: policy, economy, culture, №. 3, p. 276-284.